

ТЫЩЕШЬ ЕГО ВСЮДУ...

Юди́фь ГЛИЗЕР

Есть артисты, для которых постоянное общение с пером и бумагой — насильственная потребность. Они ведут дневники, записывая в них не только наиболее значительные и памятные события своей жизни, но и свои впечатления о сыгранных ролях, раздумья о работе над тем или иным образом.

К таким мастерам нашей сцены принадлежала и народная артистка РСФСР Юди́фь Самойловна Гли́зер [1904—1968]. За 40 лет своей работы в Театре имени Маяковского она сыграла множество ролей самого разного плана. Ее художнический почерк отличали ясность идейных задач, четкая социальная направленность, углубленное проникновение в психологию образа, острота и величавая отточенность формы. Все это нашло интересное отражение в дневниках артистки, фрагменты из которых мы предлагаем вниманию читателей «Литературной России».

Полностью эти дневники будут опубликованы в выпускаемом издательством «Искусство» сборнике, посвященном Ю. С. Глизер, куда войдут также статьи о ней и ее творчестве, написанные видными советскими режиссерами, актерами, критиками.

АЖДЫИ образ возникает и складывается своими путями, и я не представляю себе, чтобы мог существовать какой-то универсальный способ для решения всех ролей.

Берешься за новую роль — и каждый раз чувствуешь себя ученицей, чувствуешь, что приходится начинать как бы сначала, и испытываешь неизбежные «муки творчества».

Иногда роль дается сразу, без особых мучений, и вся работа проходит, как говорится, на «легком дыхании», а иной раз движется с таким скрипом, так тяжело и сумбурно, что до самой премьеры тебя трясет лихорадка неуверенности и сомнений.

Иногда роль, над которой ты много и увлеченно трудишься, не удается и приносит горькое поражение, а иной раз роль, казавшаяся неинтересной и малозначительной, приносит удачу, зачисляется в актив и неожиданно становится эталонной.

Есть своя прелесть в неожиданности этих путей. Такую неизвестность порождает многообразие явлений самой жизни, и художник всегда сталкивается в работе с необходимостью решать непредвиденные задачи.

Так было и меня и с образом мамашу Кураж. Целой вереницей всяческие женщины теснились в моем воображении, лихорадочно сменяя друг друга.

Они спорили между собой: «Нет, я такая!» «Нет, это я!» «А может быть, я?»

Помню, как в самом начале работы в моем воображении возникла пожилая, сумрачная, жестокая женщина... потом ее вдруг выхер сменяла какая-то толстая, яркая баба, что-то вроде малявской... Затем пришла нечто вроде женщины-моряка в телушке... Возникла женщина, похожая на театральные героини Аллы Тарасовой... Потом появилась веселая, старая, с лохматой шевелюрой... Одно мгновение я даже увидела образ своей матери, собранной, со старинной прической, и она меня спросила: «А может, это я?»

Пойди разберись в этом сумасшедшем хороводе! Что вернее выразит брехтовский образ? Куда направить свою фантазию, на чем остановиться?

Поиски зерна — и сомнения, связанные с этим, — длятся иногда чуть ли не до самой премьеры. А то и на первых спектаклях надо еще доработать образ.

И ты ищешь его всюду: среди знакомых, на улице, в кино, журналах, в музеях, на выставках... всюду, всюду...

ЛАВИНИИ

«Леди и джентльмены»

Пьеса Лилиан Хеллман «Леди и джентльмены» очень интересна и поучительна. В оригинале она называется «За лесами». Нам заголовок показался неудачным. Чего доброго, публика могла подумать, что речь пойдет о лесозаготовках! Да и вообще такое название звучит как-то непонятно. Кого-то в театре осяенило: «Пусть это будет — «Леди и джентльмены!» Публика клюнула на приманку, видимо, сильно заинтересовавшись, что это за джентльмены и тем более — что за леди! И пошли аншлаги. Пьеса держалась более 10 лет! В новом названии заключался некий иронический смысл, ибо на самом деле это были никакие не джентльмены, а самые что ни на есть бандиты из так называемого приличного общества.

Я не преувеличиваю. Страшная семья! Все как на подбор. Каждый думает только о себе, каждый готов перегрызть другому горлышко. Из таких вот семейлеченочек и складается общество, имеющее капиталистический характер. Автор разглядывает это общественное тело под микроскопом и делает довольно беспощадный анализ, выявляя достоверную и мрачную картину.

Глава семьи — Маркус Хаббард, Мастерный волк Хищник. Разбогател бесчестным путем на спекуляциях и на жульничестве, на предательстве, на крови негров. У него два сына и дочь. Бендикмен растет в папу, делец новой формации, а Оскар — легкомысленный шалопай. Регина, умная, чиничная и ловкая красавица, не брезгует никакими средствами, лишь бы выудить у папы деньги.

И вот в этой семье, где волчий закон возведен в принцип жизни, живет еще одно существо: мать этих детей — Лавиния. Она все время где-то на заднем плане. Но она все видит и все понимает. И — ничего не может изменить. Она загнана в угол. С ней никто не церемонится, ее не считают за человека. Муж третировал ее и уверяет, что она психически больна. Зачем? Потому что боится: Лавиния знает тайну его обогащения, связанную с гибелью людей. Она одна знает об этом преступлении!

Но Лавиния не предает мужа. Она хочет только одного: уйти из дома, от него, от детей, которые стали ей чужими, испугать свою вину и вину мужа. Она хочет молиться, стать учительницей, обучать негритянских детей грамоте... Это — бегство от зла и его искупление.

Единственный ее друг в доме — служанка, негритянка Мэри, которая любит ее, жалеет, советуетею во всем.

Когда после четки пьесы Н. Охлопков предложил мне сыграть Лавинию, я немедленно и категорически отказалась. После таких сильных характеров, как Елизавета («Мария Стюарт») Ф. Шиллера), Цезарина («Искусство карьеры») Э. Скриба), Констанция («Обыкновенный человек») Л. Леонова), мне этот образ казался «божьим одуванчиком». Я была убеждена, что роль не в моих возможностях. Я испугалась ее, она показывала мне совершенно чужой, я не понимала ее бесвязных речей. В общем, она мне активно не понравилась!

Прошло несколько дней. Охлопков опять заговорил о роли. Я опять отказалась. Охлопков продолжал настаивать. Я стала предлагать ему других наших актрис, искренне веря, что так будет лучше для дела. Но он ответил: роль настольно трудна, что «взять» ее сумею только я. Гл! Какой хитрый режиссерский ход! И я пошла, растаяв от комплимента. Обещала зайти на репетицию, послушать пьесу в читке...

Сейчас, вспоминая о работе над Лавинией, я думаю о том, какой же пришлось вложить труд, чтобы сделать роль своей! Чтобы чуждые, далекие, кажущиеся на первый взгляд неинтересными слова стали кровно родными. Чтобы ощутить за ними человеческую душу, трепетную и легкоранимую; чтобы любовно лепить каждую деталь, каждое еле уловимое движение — и плакать вместе с нею горючими слезами на каждом спектакле, ибо она уже стала частью меня самой...

Эта безвольная, забитая, нервная женщина, боящаяся взглянуть мужу прямо в глаза, говорящая порой несвязно, невнятно и непонятно, — она имела, оказывается, свою волю, свои идеалы, имела цель в жизни, добивалась ее и, наконец, добилась: она начала новую жизнь!

1 АКТ
Воскресным утром Лавиния приходит домой из церкви. Она настроена празднично: сегодня муж обещал поговорить с нею об отъезде. Но попытка начать разговор пресекается грубо, издевательски... Муж уходит на прогулку, и она остается одна с разбитой надеждой. Но такой уж она человек, что не обвиняет его, а даже оправдывает. Она сидит на ступеньках, заливаясь слезами, и мы слышим монолог-мечту, который, переплетаясь с действительностью, звучит трагически.

2 АКТ
В доме празднично — ждут гостей. Все готовится. Лавиния тоже приоделась в старое кружевное черное платье. Она уже обо всем постаралась забыть, всем хочет добра... Но в доме ничего не изменилось. Когда она вспоминает, как учила мужа играть на рояле, Маркус, издеваясь, поднимает ее на смех... Она заговаривает с дочерью, та кричит на нее... Сын не замечает протянутой руки... Все по-старому!

И тогда Лоретта — девочка с улицы, которую притащил в дом сын-шалопай, — намекает Маркусу на его неблагоприятные дела, Лавиния становится совсем невыносимо в этом доме. Она вновь просит мужа отпустить ее из дома. Происходит скандал, и Маркус кричит: «Ты больная! Весь город знает, что ты сумасшедшая!» Лавиния тихо плачет. Новый скандал. Маркус выгоняет старшего сына из дома... У Лавинии созревает решение уйти вместе с сыном и разлучить его с бывшими преступниками и предателями Маркуса.

3 АКТ
Ночь. Все спит. Лавиния крадется с фонарем, поднимая сына. Она просит взять ее с собой, но Бендикмен, конечно, отказывается. Тогда она начинает рассказывать ему об отце. Сын хвастается за эту выгоду для него новостью: теперь он разгласит эту тайну, свалит отца и станет хозяином!

Последнее появление Лавинии — ее уход из дома. Большая сцена прощания. Она раздает на память подарки: Оскару — молитвенник, Регину — брошюру, старшему сыну — часы. Детям смешно. Наконец Лавиния прощается с мужем. Я снимала обручальное кольцо и говорила: «Это все, что у меня осталось». И она, падая, звонко ударялась о тарелку на столе. Как будто ставила точку. Как будто обрывалась струна... Потом я играла Маркусу на плечо руку и говорила: «Надеюсь, теперь ты доволен. Мы оба уже старики и проидали вместе долгою, долую жизнь. Прощай».

Потом я отходила (поворачивалась) и на прощание оглядывала дом, где прожита такая трудная жизнь... Смотрела еще раз на детей. Они все усильно жевали завтрак. Я тяжело вздохнула. А потом тихо уходила. Со светлым чувством надежды уходила в будущее.

Прощание с домом вызывало у меня такую боль и так разрывало мое сердце, что я иногда с трудом доигрывала сцену.

«Вот так формалистка!» — воскликнул однажды Охлопков, увидя, как я обливаюсь слезами.

От моего первого ощущения «божьего одуванчика» не осталось и следа.

Теперь скорее вспоминалось бегство из Ясной Поляны...

Справедливость требует сказать, что Охлопков в этой роли помогал мне активно. По каким соображениям он мне ее дал, до сих пор не ясно. Я сама никогда бы не додумалась. Но факт — он очень настаивал, чтобы играла я. Ставила спектакль Е. Зотова, которой он очень помогал в постановке. А мне он ставил пантомимные сцены, которых оказалось много потому что сама роль была малословесной.

Однажды он мне сказал: «Знаешь что, ее надо играть как Офелию». Для меня такое сравнение опять было неожиданным, но оно дало, вероятно, свои результаты. Так у меня возникла вуаль. Я всячески обигрывала ее. Она облегла чила мне фигуру, делала ее воздушной, невесомой. Вуаль я надевала на мягкую подошву, и шаг стал тихий-тихий, совсем неслышимый. Отсюда же и акварельные тона платья: серое с нежно-лиловым, серое с мягко-черным. Отсюда светлая, седая голова...

Во 2-м акте — в сцене приема гостей — я держала в руках цветок. Нависая локончик спадали на шею. На все происходящее — открытый, чистый взгляд. Глаза, которые всегда были чьему-то удивлены. Спина слегка согнута, как будто все время ждала удара.

Для ухода в финале я надевала пелеринку, немного старомодную, кружевную. И шляпку с серой вуалью, свисавшей сзади...

Я начинала роль со вздоха и кончала роль глубоким вздохом.

Мне нравилось играть Лавинию. После ярко полнокровных, агрессивных ролей — вдруг такое тихое существо, волея полутонца, с мягким добрым взглядом трагически.

Лавиния.

Фото А. ГЛАДШТЕРНА

дом; игра на тихой пантомиме, на беспривычной жизни без слов, на восприятии, а не на выплеске, игра нюансов, чуть слышные, едва уловимые движения души, тайны внутренней жизни... Не знаю, как со стороны, но я Лавинию любила, она мне стала дорога. Играть ее мне приходилось несчетное количество раз. Были месяцы, когда в гастроль спектакль шел по 15 раз!

На публику я не могу пожаловаться. В особенности на гастроль. Бывало, в Кивее, во Львове, в Одессе, в Ленинграде выходили в конце спектакля на роль сразу две (!!) исполнительницы... Так или иначе, я шла на первую репетицию с легким сердцем, отнюдь не отягченная сложными творческими задачами. После такой машины, как мамаша Кураж, баронесса показалась мне какой-то пушишкой.

Это настроение сказалось и в текст первой читке: несколько мест в моесте вызвали неожиданный смех. Охлопков даже испугался и попросил меня при повторе прочесть роль в более драматическом ключе.

Я была настроена покладиста: «Более драматично? Пожалуйста, можно так. Почему бы и нет...» Прочла посерьезнее, и Охлопков успокоился.

Но сколько бы я впоследствии ни старалась эту роль драматизировать, все равно мое ироническое отношение к этой даме где-то подспудно таилось, и я не могла его полностью скрыть.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Баронесса.

Рис. В. РУДЕНКО

БАРОНЕССА

«Между ливнями»

Прочла пьесу Александра Штейна «Между ливнями».

Название я не поняла — что это за «ливни» и почему «между ливнями»? Так мне этого никто и не объяснил.

Но сама пьеса оказалась интересной. Она напоминает об эпохе становления Советской власти, о борьбе за нее. Мне дорого это горячее и бурливое время. Большинство зрителей знает теперь о нем только понаслышке — из книг, из лекций... Все меньше остается живых свидетелей. Рассказав со сцены о тех днях — задача увлекательная... Особенно для нас, видевших все своими глазами.

Итак — баронесса. Баронесса фон Рилькен, урожденная Скарятинская.

О, это звучит уже вполне определенно и классово!

С самого начала работы меня очень заботило, как и чем я дам зрителю почувствовать породу этого образа? Какая она, эта баронесса?

Именно баронесса, и никто другой. Как в зоопарке. Написано слон — значит, слон. Жирафа — значит, жирафа! И никто другой.

Образ надо лепить из особого, дворянского текста.

Я не хочу играть жерщин вообще. Я иду социальную трактовку, классовую сущность образа.

Поэтому я поставила своей обязательной задачей найти и передать в образе именно эту аристократическую породу. Полистала я, конечно, для этой цели, и не без удовольствия, журнал «Столица и усадьба». Для таких случаев журнал незаменимый. И с поразительным подзаголовком: «Журнал красивой жизни»!!!

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии в отборочных средствах — получился в общем неплохой «коктейль», придавший образу острый выразительный привкус.

Забегая вперед, могу сказать, что от такого невольного соединения серьезного и иронии — серьезного в исполнении и иронии